

В.В. ЛИПОВ, д.э.н., доцент,
Харьковский национальный экономический университет

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ И ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ: КУЛЬТУРНЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТОВ

Рассмотрены содержание, механизмы и инструменты институциональной гетерогенизации экономических систем. Показана эволюция взглядов на многообразие моделей капитализма. Обоснована необходимость учета реципрокности в качестве элемента гибридизации, дополняющего на уровне институциональных матриц обмен и редистрибуцию. Охарактеризованы особенности дара и траты и показано их влияние на экономическую активность домохозяйств и формирование институционального напряжения. Раскрыты предпосылки формирования гетерогенизации на наноуровне лестницы оснований институциональной архитектоники социально-экономических систем. Охарактеризовано влияние на гетерогенизацию компенсационных институций, бриколажа (институциональная инсталляция), наслаивания, реинтерпретации, трансплантации институций.

Ключевые слова: институты, институциональная комплементарность, гетерогенность, социально-экономические системы, модели капитализма.

Вполне предсказуемым результатом теоретического осмысления процессов трансформационных преобразований на постсоветском пространстве в 90-х гг. XX ст. стало формирование концепции разнообразия вариантов капитализма (КРВК) [1]. Её приверженцы переходят от дихотомии командно-административная/рыночная экономика к противопоставлению рыночный/координируемый капитализм. Однако уже основатели вынуждены признать существенные особенности южно-европейского, средиземноморского варианта капитализма [1, р. 21]. Впрочем, еще ранее на многовариантность форм капиталистического устройства развитых стран обращают внимание представители теории регуляции, связывающие этот процесс с переходом, под влиянием роста открытости национальных экономик, к постфордистским методам производства [2; 3; 4]. «Способы регуляции различаются во времени и пространстве» – таков вывод Р. Буайе [2, с. 12]. Аналогичный подход к классификации национальных систем производства и ин-

новаций предлагает Б. Амабле [5]. Ученые выделяют модели рыночного, социал-демократического (северо- и центрально-европейский варианты), публичного (стейтистского, южно-европейский), мезокорпоративного (дальневосточный, конфуцианский) капитализма. Но и на этом процесс дифференциации не заканчивается. На невозможность однозначной трактовки экономической системы стран Азии обращает внимание Дж. Гамильтон [6]. А. Вальтер и Х. Занг в рамках дальневосточной модели выделяют четыре существенно отличающиеся разновидности – со значительным влиянием государства, на основе соуправления, сетевую и персонализированную [7].

Пристальный анализ эволюции институциональной системы Дании позволяет Дж. Кэмпбеллу сделать вывод о постепенной её гетерогенизации. В систему с доминированием традиций активной координации, свойственной модели социал-демократического капитализма, интегрируются элементы либеральной англосаксонской модели рыночного капитализма [8]. Комплементарность на основе институциональной гетерогенности обеспечивает возможность расширения репертуара инструментов и спектра вариантов институциональных преобразований, доступных для лиц, принимающих решения [8, р. 326]. В работе не ставится цель создания полномасштабной теории институциональной эффективности гибридных институциональных систем. Предлагается на основе эмпирических исследований начать обсуждение вопроса о позитивных эффектах гетерогенизации [8, р. 309].

В центре внимания исследователей, изучающих институциональные аспекты формирования смешанных социально-экономических систем, оказываются страны южной Европы. О. Молина и М. Родес, в противовес П. Холлу и Д. Соскису, утверждают, что гетерогенизация институциональных систем обеспечивает рост потенциальной способности институциональных систем приспосабливаться к изменениям ситуации [9]. А. Корелакис исследует

© В.В. Липов, 2013

эволюцию институциональных систем Италии и Греции [10]. Ученый подвергает сомнению тезис о дуальной конвергенции в рамках институциональных систем этих стран моделей рыночного и координируемого капитализма и приходит к выводу об их гетерогенизации. Внимание ученых заслужили работы С. Ройо, исследующего проблемы формирования экономической модели современной Испании, так же интегрировавшей институты рыночного и координируемого капитализма [11]. Х. Миджияма акцентирует внимание на позитивных результатах и недостатках институциональной гибридизации в Японии 90-х гг. как результата заимствования элементов рыночной модели экономики [12].

Цель работы – на основе концепции институциональной комплементарности социально-экономических систем исследовать содержательные основания, механизмы и инструменты их гетерогенизации.

От упрощенного представления гибридизации как одного из путей развития моделей капитализма ученые переходят к исследованию её механизмов. Р. Буайе рассматривает гибридизацию в качестве альтернативного эндометаболизма (endometabolism) варианта установления комплементарности институтов. Гибридизация описывает процесс взаимодействия ранее импортированных институций с присущими институциональной системе формами, посредством которого они трансформируются. Предпосылкой выступает наличие некоторой свободы изменений в рамках базовых институтов, что и обеспечивает эволюцию институтов и разнообразие в институциональной архитектонике. Эндометаболизм, с противоположной стороны, основывается на признании частичности и временности состояния комплементарности институтов в рамках системы. Он подразумевает эволюционный путь развития в результате спонтанного формирования институционального напряжения внутри системы. Его этапами являются появление, созревание и кризис существующей системы. Наслаивание, трансформации и рекомбинации рассматриваются в качестве инструментов эволюции [13, p. 70].

У. Панаго предложил понятие заимствующей комплементарности (interlocking complementarity) [14]. Ученый изначально полагает гетерогенные системы комплементарными. Её источник состоит именно в том, что заимствование институциональных элементов,

принадлежащих противоположной институциональной матрице, самим своим обоснованием имеет обеспечение эффективности функционирования системы в условиях, когда базовые для данной системы институты оказываются не в состоянии выполнять свои функции. Появление новой институциональной микросистемы, обеспечение её эффективности происходит в результате заимствования нового институционального источника эффективности. Ученый выделяет два вида эволюционных изменений – либо на основе взаимоисключения (взаимоисключающая специализация, *allopatric speciation*) либо селективной комплементарности (*selection complementarity*). Результатом становится непреднамеренная защита уже существующих образований или непреднамеренная субсидиарность между образованиями, относящимися к различным сферам (*unintended protectionism/subsidies*) [14, p. 376-377].

Понимание гибридизации в подходе У. Панаго можно свести к этапу трансформации экономических систем, на котором появляются новые институты, приходящие на смену старым. После такой замены система вновь обретает целостный характер. Сложившаяся институциональная система предстает источником стабильности. По сути это динамическая концепция трансформации институциональных систем через гибридизацию. Ключевыми факторами, стимулирующими изменения, признаются эволюция прав собственности и технологий. Следует так же отметить, что ученый акцентирует внимание на ограниченности возможностей конкуренции как инструмента изменений. Она, по мнению У. Панаго, способна поддержать изменения в простейших и может блокировать эволюцию сложных систем [14, p. 379].

В отличии от большинства представителей КРВК, акцентирующих внимание на противостоянии институциональных систем, минимизирующих участие в экономической активности (либеральный капитализм) государства, и систем, предполагающих координацию деятельности микроэкономических субъектов с его стороны, К. Телен в качестве дополнительного измерения предлагает оппозицию солидаризм (коллективизм)/сегментализм (дуализм) (Рис. 1) [15, p. 480-486]. Критерий дифференциации – разграничение их по принципу коллективистские/ сегментированные. В качестве примера сегментированной модели приводится Япония.

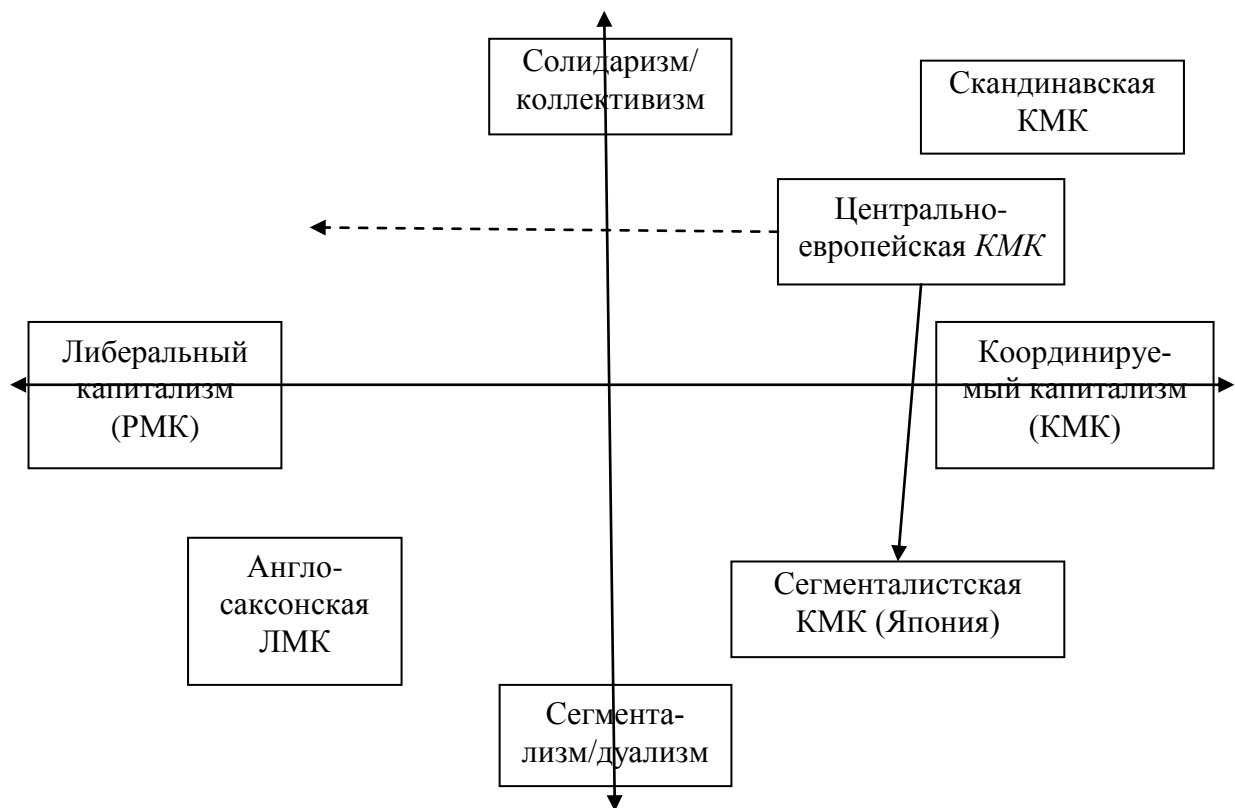

Рис. 1. Общее и особенное траекторий институциональных изменений развитых стран [15, р. 486]

В конечном итоге предложенные критерии вполне соотносятся с теми, которые предлагают А. Вальтер и Х. Занг для разграничения разновидностей дальневосточного капитализ-

ма (Табл. 1), выделяющие в качестве таковых интенсивность государственного влияния на экономику и социальную координацию экономической активности [7, р. 15].

Таблица 1

Вариация национальных моделей управления экономикой

		Социальная координация экономической активности	
		Сильная	Слабая
Государственное влияние на экономику	Экстенсивное	Соуправляемые Корея, Тайвань	Ведомые государством Китай, Малайзия, Индонезия
	Умеренное	Сетевые Япония	Персонализированные Филиппины, Таиланд

Вполне закономерно, что в обоих случаях их интенсивность связана со спецификой национальной культуры хозяйствования – системы ценностей, знаний, традиций, институций, мотивирующих и регулирующих хозяйственную деятельность, формы её осуществления и восприятия обществом. Она обеспечивает адаптацию к окружающей среде воспроиз-

водственной деятельности человека, коммуникацию участников социального взаимодействия, интеграцию членов общества в единую социальную общность, социализацию, усвоение норм общественного взаимодействия с целью включения в человеческое сообщество, наследование. Диалектичность культуры хозяйствования проявляется в противостоянии

материальной и духовной её граней, типов культурного опыта – рационально-логического и эмоционально-чувственного, противоположных механизмов мышления и ориентации человека в среде обитания, субъективной (сознание конкретного человека) и объективной (социальная материализация культурного опыта) форм существования. Еще одной формой проявления этой диалектичности, приобретающей особое значение, когда речь идет о хозяйственной культуре, является неразрывное противоречивое единство индивидуалистических и коллективистских компонентов социальной воспроизводственной деятельности. Диалектика этих отношений в конечном итоге находит выражение в выделении двух противоположных институциональных матриц – идеальных гомогенных институциональных структур, основанных на приоритете в общественном хозяйствовании либо обменных, либо редистрибутивных отношений [16]. Мы вышли на исходный уровень определения специфики, принципиальных отличий моделей экономических систем и ключевых критериев разграничения гетерогенных систем (включающих институты, принадлежащие к разным социальным логикам) и систем, трансформируемых в рамках единой институциональной матрицы.

Теперь уже на уровне институциональных матриц мы вынуждены говорить об относительности понятия гомогенная институциональная система. Ведь ключевым критерием разграничения выступает приоритет обменных (купля/продажа) или редистрибутивных (перераспределение) отношений. Но из поля зрения исследователя выпадает третий тип отношений, выделенный К. Поланьи. Реципрокность (reciprocity), по утверждению К. Поланьи, означает перемещение благ между симметричными точками в соответствующих группах. Ученый акцентирует внимание на таких особенностях реципрокных отношений, как симметричность системы родственных групп, взаимность (mutuality) отношений между индивидами. Родство выступает в качестве ключевого интегрирующего фактора, обеспечивающего формирование дуальных симметричных отношений [17, с. 61]. Ученый подчеркивает: «Только в симметрично организованной среде реципрокное поведение ведет к становлению сколько-нибудь значимых экономических институтов» [18, с. 67].

Обмен и перераспределение дополняются еще двумя системообразующими институтами, игнорируемыми мейнстримом экономи-

ческой науки – институтами дара и траты. М. Мосс рассматривает дар как добровольную передачу чего-либо принадлежащего одному субъекту другому, в отношении которого предполагается, что он не может этот дар не принять [19]. М. Годелье выделяет три условия формирования «хозяйствования дара». К ним относятся господствующая роль личных отношений в создании социальных связей; высшая степень заинтересованности индивидов и социальных групп в том, чтобы для собственного воспроизводства и воспроизводства социальных отношений проявлять бескорыстие; существование традиции двойного взаимного отношения-обязательства. «То, что обязывает дарить, есть то, что дарение обязывает» – так формулирует этот принцип ученый [20, с. 22]. Таким образом, само движение благ в «хозяйствовании дара» оказывается на втором месте, оно лишь опосредует социальные отношения, принимающие дуальную форму. Отношения солидарности, основанные на добровольной передаче части того, что имеешь, комплементарно дополняются отношениями превосходства. Принятие дара ставит получателя в положение должника по отношению к дарителю. Дар одновременно сближает и разъединяет участников, поскольку ставит одного из них в зависимость от другого. Это их неравенство при определенных обстоятельствах может перерасти в иерархию, но и препятствует распространению корыстолюбия и стяжательства [17, с. 58-59].

Особым случаем дарения является дар высшим силам и дружественным представителям внешнего окружения – трата. Институт траты так же имеет интегрирующее социальное значение. Во-первых, обязывающий характер делает её инструментом установления отношений взаимных обязательств между племенем и его верхушкой, представителями дружественных племен, окружающими человека природными силами. Если дар имеет ярко выраженный «персонифицированный» характер, служит инструментом интеграции пребывающих в непосредственном родстве членов ближнего круга, то трата обеспечивает интеграцию в более широкое социальное окружение, интеграцию человека и природной среды, установление связи и взаимных обязательств между человеком и высшими сущностями. Во-вторых, еще одно значение траты связывается с переключением свойственного человеку духа агональности, состязательности, борьбы на соревнование в щедрости, расточительности,

направленной на удовлетворение желаний и потребностей партнера, членов других сообществ. Находящийся в основе траты механизм взаимных обязательств приводит к тому, что состязание в щедрости превращается в инструмент установления и подтверждения социальной иерархии. И, наконец, третье значение траты вновь возвращает нас к диалектике противостояния индивидуальное/коллективное (часть/целое, единичное/общее), но уже на уровне принципов «общей политической экономии», попытку создания которой совершил Ж. Батай. По утверждению ученого, не дефицит, а избыток предопределяет жизнедеятельность природных систем, в том числе и человеческих сообществ. Не стремление к минимизации усилий, издержек (как это характерно для индивидуализированного капиталистического общества), а необходимость избавления от избытка энергии, которую сложные системы оказываются не способны поглотить в процессе роста, предопределяют появление института траты. Способами утилизации избытка выступают расточительные празднования, жертвоприношения, строительство бесполезных с утилитарной точки зрения сооружений, разрушительные войны, экономические кризисы. Свое утверждение ученый иллюстрирует множеством свидетельств из истории древних цивилизаций, на примере плана Маршала, индустриализации в СССР [21].

Институты дара и траты – это не дань истории. Именно на даре основывается жизнедеятельность домохозяйств не просто в обеих институциональных матрицах – в любой модели капитализма. В этом отношении все они остаются гетерогенными. Без понимания этого невозможно не только изучать экономику домохозяйств, но понять истоки тенезации экономики, принципы сетевого взаимодействия, феномен формирования миграционных сетей и сообществ. Клиентизм, клановость, преступные сообщества, этническая экономика – далеко не единственные примеры проникновения траты в институциональные модели даже самых развитых стран. Яркий пример успешной гетерогенизации, взаимопроникновения институтов, основанных на рыночных, социалистических, традиционных принципах ведения хозяйства на уровне местного сельского сообщества современного Китая исследует М. Янг [22]. Средний ежегодный размер трат на религиозные цели и потребности местных сообществ составляет по данным исследователя 20 % всего годового дохода обследованных домо-

хозяйств [22, р. 488]. И это не в отсталом, бедном регионе, а в провинции, которая считается примером успешного развития сельскохозяйственного региона современного Китая, с развитой предпринимательской культурой, средний доход на одного жителя в котором намного превысил общегосударственный. В конечном итоге мы имеем дело с двумя противоположными типами понимания смысла человеческого бытия. Ориентация на производство (К. Маркс)/потребление (Ж. Бодрильяр) сталкивается с дефицитом ресурсов, нацеливает человека экономического на минимизацию издержек. Ориентация на воспроизводство, непрерывное развитие человеческой общности как части вселенной (Ж. Батай) сталкивается с бесконечно повторяющейся проблемой накопления избыточных ресурсов, утилизируемых посредством дарения или траты.

Включенность элементов реципрокности – не единственный источник гетерогенизации институциональных матриц и реальных экономических систем. Институты обмена сохраняют свое присутствие в качестве компенсационных в X-матрице, а институты редистрибуции – в Y-матрице. Государство, хоть и в урезанном виде, сохраняет свое присутствие в либеральной, рыночной модели капитализма, а рынок остается частью координируемого капитализма.

Указание на направление дальнейших исследований можно найти в работе Р. Дига и Г. Джексона [23]. Ученые связывают формирование гетерогенных систем с ростом открытости национальных экономик, активизацией международного экономического сотрудничества. Делается вывод о несовершенстве дуалистического противопоставления моделей экономики в КРВК. Под гибридизацией понимается процесс адаптации заимствуемых институтов, помещаемых в новый контекст. Облегчает задачу, по мнению ученых, многоуровневость структуры институциональных систем. Ключевым элементом гибридизации признается наслоение институтов. Гетерогенность признается свойством любой институциональной системы, только усиливающимся в условиях фрагментации многоуровневых систем управления. Она открывает простор менее формализованным моделям координации. Результатом заимствования может быть либо сохранение прежнего институционального контекста, приспособление к нему заимствуемого института, либо переформатирование, формирование новой системы, логики комплементарного взаи-

модействия, пересмотр модели капитализма. Соответственно встает вопрос о дальнейшей спецификации процесса гетерогенизации, уточнения, что с чем объединяется, в чем состоят итоговые отличия?

Предпосылкой ответа может стать систематизация элементов институциональных систем в виде лестницы оснований институциональной архитектоники [24; 25].

Разграничение и краткое рассмотрение основных элементов наноуровня институциональной архитектоники социально-экономических систем позволит объяснить источники формирования специфики институциональных логик в рамках противоположных матриц, позволит выявить ключевые характеристики хозяйственной культуры, влияющей на формирование специфических моделей социально-экономических систем. К ним относят: индивидуальные потребности, знания, умения, навыки; стили мышления; ценности; мировоззрение; интересы; организационные рутины; коллективные конвенции; формы (закон, правила, обычаи, фирма, команда ...) и функции (цели, задачи, роли) институций и институтов.

Сложность применения и исследования институций во многом предопределяется тем, что они регулируют человеческое поведение не только на уровне сознательного, но и на подсознательном, и, частично, бессознательном уровне, проявляют себя в качестве молчаливого, неявного знания, знания, о котором сам пользователь зачастую и не догадывается. Потребности, инстинкты, коллективное бессознательное, архетипы, этносные ценности во многом предопределяют и то, что попадает в сферу человеческого внимания, и то, как мы действуем. Нетрудно предугадать, что любой конфликт бессознательного с нормами, регулирующими поведение, в лучшем случае будет тормозить их выполнение. И то, что источник торможения находится вне сферы сознательного восприятия человека, только усиливает негативные последствия этого конфликта. Подсознательный уровень (потребности (что), навыки, ценности, институции (как)), формируются как продукт неоднократной активизации в сознании потребностей, интересов (что), знаний, умений, институций (как). Институции с уровня сознания (знания, умения) передаются в подсознание (навык). Мы так хорошо освоили определенные паттерны социального взаимодействия, что выполняем их автоматически. Мы забыли о том, что знаем, но это не мешает нам выполнять в соответствующий

момент те действия, которые от нас ожидаются. Действие определенного триггера автоматически запускает ответную реакцию.

Одновременно институции – плод человеческого мышления. Р. Нейсбит обращает внимание на его отличие в странах Востока и Запада [26]. Краткое альтернативное определение акцентирует внимание на этих особенностях. Мышление – процесс (моделирования систематических отношений)/(целостного восприятия окружающего мира) на основе (безусловных положений)/(интуитивного постижения взаимосвязей и взаимоотношений) – соответственно Западный/Восточный тип мышления. Приоритет правополушарного пространственно-образного либо левополушарного, логического восприятия мира – это объективный результат долгосрочного влияния материально-технологической среды на поколения представителей определенной культуры. Он вовсе не означает неспособность мыслить по иному либо неразвитость альтернативного типа мышления. Типы организации мыслительной деятельности предопределяют доминирующую специфику восприятия и осмысления человеком окружающей реальности. Приоритет целостного, пространственно-образного восприятия мира – объективная предпосылка доминирования коллективистских ценностей. Приоритет логического – индивидуалистических.

Таким образом, мы находим объективные, вполне материалистические обоснования специфики как национальных культур, так и институциональных моделей, которые формируются под их воздействием. Но прежде чем рассмотреть собственно институциональные составляющие их гетерогенности необходимо включить в анализ ценности как то, что формирует мировоззрение человека, предопределяет приемлемость/отторжение институтов. Ценности – объективированные средой хозяйствования субъективно-психологические отношения человека к окружающему миру, предопределяющие нацеленность, интенсивность и способы его деятельности. Когда речь идет о социальной воспроизводственной деятельности человека, то нас, в первую очередь, интересуют социальные ориентации ценностной системы. К ним отнесем степень индивидуализма /коллективизма, значительную/ небольшую дистанцию власти и социального доверия в обществе, позитивное/негативное отношение к неопределенности и связанные с ними ценностные оппозиции традицион-

ное/секулярно-рациональное, выживание/самовыражение [27; 28]. Рис. 2 отражает динамику социальных ориентаций в процессе

социально-экономического развития общества [28, с. 255-303].

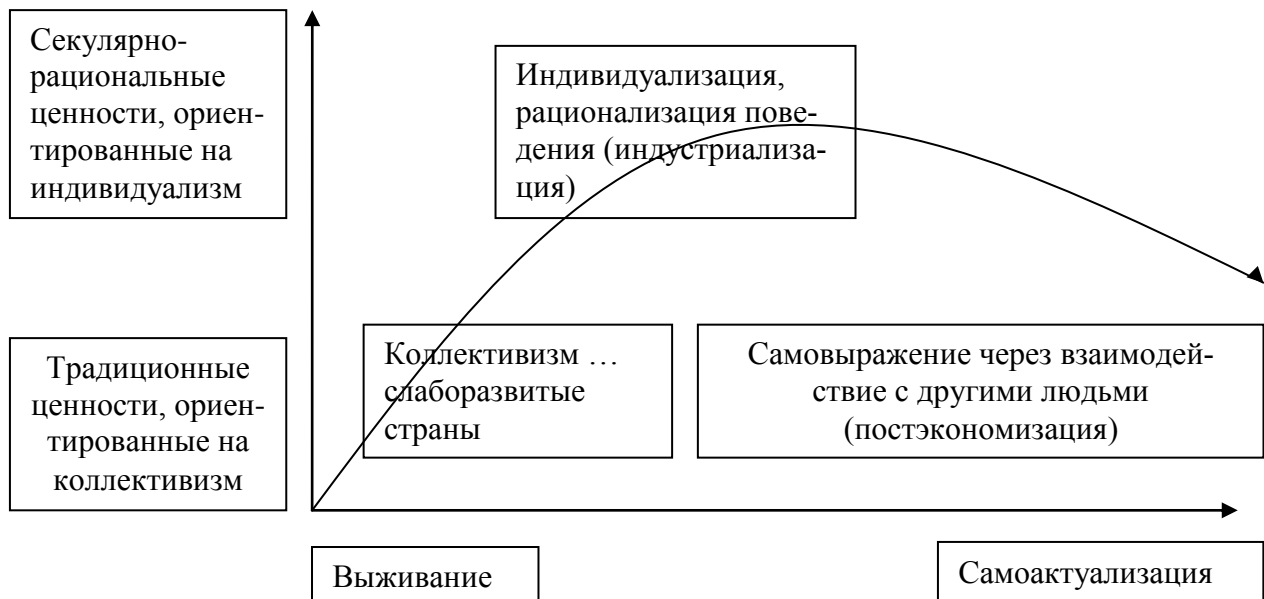

Рис. 2. Рост значимости коллективистских ориентаций ценностной системы в процессе формирования постэкономики

На уровне коллективных конвенций о принятии/отторжении институций ключевая роль принадлежит элитным группам общества. Соответственно гетерогенизация (постпереходные экономики)/гомогенизация (страны ислама) институциональной системы во многом предопределяется тем, какие социальные группы позиционируют себя и реально выполняют функции элит общества (выступают в роли «лидеров потребительского поведения» на рынке институтов), какого мировоззрения они придерживаются, какие цели преследуют, где получают образование...

Разграничение институциональных форм и функций расширяет аналитический аппарат исследования, представляется дополнительным инструментом, увеличивающим возможности целенаправленной гетерогенизации институциональных систем. Изначальная сложность состоит в том, что, во-первых, невозможно заимствовать и даже учесть все институциональные контексты, которые обеспечивают успешность функционирования институции. Во-вторых, как правило, заимствование институциональной формы (конституция, закон, правило, организационная структура...)

не охватывает всей полноты функций, которые она выполняет в материнской институциональной среде. Структурную сторону взаимодействия (комплементарности) институтов достаточно просто определить, поскольку она имеет дело с относительно легко наблюдаемыми, видимыми, материальными институциональными формами. Соответственно можно предсказать потенциальное институциональное напряжение в случае несовпадения социальных логик, лежащих в основании взаимодействующих институтов. Функциональная комплементарность, с противоположной стороны, имеет дело с явлениями процессуальными, затрагивает не форму, но содержание, саму суть взаимодействия, в конечном итоге обеспечивает его эффективность. И отследить её можно скорее именно по результату. Роль в его достижении могут играть как прямые, так и опосредованные взаимодействия. И именно они в условиях трансформации институциональных систем зачастую выступают предпосылкой формирования институциональных ловушек. Так, переход с налога на оборот на НДС был структурно комплементарен направлению реформ. С функциональной же стороны

он породил в качестве непреднамеренных последствий ряд институциональных ловушек, создающих институциональное напряжение, в конечном итоге существенно тормозящее как развитие внешнеэкономической деятельности добросовестных производителей, так и поддерживающих коррупцию, клиентизм, развитие «нового меркантилизма» в терминологии Э. де Сото [29, с. 213-246]. Проблема не в самой институциональной форме. Она просто функционально вписалась в ранее существовавший институциональный контекст.

Специфика изменения институциональных функций нашла отражение в работе В. Штрека и К. Телена. Ученые предлагают два механизма изменений в процессе гетерогенизации институциональных функций: институциональное смещение и конверсию [30, р. 25-29]. Смещение (displacement) предполагает ситуацию, при которой изменения в среде хозяйствования стимулируют трансформацию понимания сущности, сфер действия и функций институции. Конверсия (conversion) – сохранение в неизменном состоянии институциональной формы при изменении её целей, задач, функций.

Разновидностями механизмов стимулирования гетерогенизации институциональных систем являются принуждение, навязывание и конкуренция.

Инструментом преодоления институционального напряжения, возникающего при столкновении противоборствующих социальных логик – основополагающих принципов институциональных систем, и тем самым обеспечивающим их гетерогенизацию, выступают компенсационные институты. Их наличие позволяет компенсировать негативные последствия внедрения нового института.

В качестве основных инструментов гибридации институциональных систем следует выделить бриколаж (bricolage, институциональную инсталляцию), наслаивание, трансплантацию и реинтерпретацию институтов. Бриколаж – процесс, при котором изменение институций осуществляется путем перегруппировки или рекомбинации институциональных принципов и практик с целью их более эффективного использования в новых условиях. Институциональный бриколаж предполагает сочетание институций, заимствованных из различных институциональных матриц, социальных сфер, блоков в качестве средств выполнения новых задач или достижения прежних задач при помощи нового сочетания раз-

нородных институций, в результате которого появляются новые качества институциональной системы. По сути уже имеющиеся институты используются для решения новых задач.

Высказывание К. Леви-Строса не только отмечает ключевые особенности бриколажа, но и позволяет проследить содержательные отличия комплементарности и гетерогенизации: «... мифологическому мышлению, как и бриколажу в плане практическом, свойственно вырабатывать структурированные совокупности не непосредственно наряду с другими структурированными совокупностями¹, а используя остатки и осколки событий... мифологическое мышление, этот бриколер, разрабатывает структуры, расставляя события или, скорее, остатки событий², тогда как наука, учреждая себя, «приходит в действие» и создает в форме событий свои средства и результаты благодаря структурам, производимым ею непрерывно, – благодаря своим гипотезам и теориям» [30, с. 130]. К. Леви-Строс отмечает различия между ученым и бриколером: один создает события (изменяет мир) посредством структур, а другой создает структуры посредством событий. В случае с комплементарностью структура, общее, предопределяет частное, входящие в неё институции и институты. В случае с гетерогенизацией институции формируют структуру.

Можно выделить следующие предпосылки формирования институционального бриколажа:

- наличие проблем, которые невозможно решить посредством использования существующей институциональной структуры;
- несовершенство институциональной системы, наличие пробелов, лакун, институциональных ловушек, структурного и функционального институционального напряжения;
- нестабильность существующей институциональной системы, связанная с деятельностью политических партий;
- слабость, низкий уровень националь-

¹ Мифологическое мышление возводит ансамбли структур посредством одного структурированного ансамбля – языка; но оно овладевает этим не на уровне структуры, а строит свои мировоззренческие дворцы, используя строительный мусор от прежнего социального дискурса (Прим. К. Леви-Строса).

² Бриколаж оперирует также с «вторичными» качествами; ср. англ. «secondhand», то есть «из вторых рук, подержанный» (Прим. К. Леви-Строса).

ной самоидентификации, разобщенность элитных групп;

- ограниченность доступа значительных социальных групп к влиянию на трансформацию существующей системы в ответ на актуальные изменения среды хозяйствования;

- существенная дифференциация общества по уровню доходов, социальному положению, образу жизни, социальным интересам;

- фрагментация сознания, культуры, образования членов общества;

- наличие значительных и влиятельных социальных групп, заинтересованных в институциональных инновациях;

- доступность информации об альтернативных паттернах социального взаимодействия;

- рост значения форм сетевого социального взаимодействия;

- расширение возможностей влияния на сознание и социальное поведение граждан со стороны средств массовой информации, интернет;

- наличие возможностей быстрого обмена информацией среди больших масс людей;

- доступность социального экспериментирования как части повседневной жизни значительной части общества.

В процессе наслаивания экономические субъекты принимают новые институты, заимствуемые из других институциональных сфер в качестве дополнения к уже существующим. Но, поскольку они считают, что использование новых институциональных практик обеспечивает лучшее достижение интересов, в конечном итоге происходит сокращение применения ранее использовавшихся институтов. Реинтерпретация предполагает частичную коррекцию ранее принятых (в ответ на изменение условий хозяйствования) или заимствуемых (в соответствии со спецификой национальной институциональной системы) институций для обеспечения эффективного взаимодействия со старыми институтами [32, р. 98 - 99]. Особую сложность в свете необходимости поддержания комплементарности институциональной системы в рамках их гетерогенизации представляет институциональная трансплантация, предполагающая целостный перенос заимствуемой институции из одной институциональной среды в другую с полным сохранением как её формы, так и функций, ею выполняемых.

Выводы. Гетерогенность институциональных структур является неотъемлемым компонентом процесса их эволюции. Исследо-

вание её сущности, механизмов и инструментов позволяет углубить понимание процесса трансформационных преобразований социально-экономических систем.

Литература

1. Hall P. (2001) An Introduction to Varieties of Capitalism / P. Hall, D. Soskice // Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage; P. Hall, D. Soskice (eds.). – Oxford : Oxford University Press. – P. 1-70.

2. Буайе П. Теория регуляции / П. Буайе. – М.: РГГУ, 1997. – 213 с.

3. Boyer R. (1996) The Seven Paradoxes of Capitalism ... Ore is a Theory of Modern Economies Still Possible? / R. Boyer // CEPREMAP. – № 9620. – 84 p.

4. Boyer R. (2005) How and why capitalisms differ / R. Boyer // Economy and Society. – Vol. 4, November. – P. 509-557.

5. Amable B. (2003) The Diversity of Modern Capitalism / B. Amable. – Oxford: Oxford Press.

6. Hamilton G. (2000) Neither States nor Markets. The Role of Economic Organization in Asian Development / G. Hamilton, R. Feenstra, W. Choe, Ch. Ku Kim and Eun Mie Lim // International Sociology. – June. – Vol. 15(2). – P. 288-305.

7. Walter A. Debating East Asian Capitalism: Issues and Themes / A. Walter and X. Zhang // East Asian Capitalism Diversity, Continuity, and Change / Edited by Andrew Walter and Xiaoke Zhang. – P. 1-24.

8. Campbell J. (2010) The Varieties of Capitalism and Hybrid Success: Denmark in the Global Economy/ John L. Campbell // Comparative Political Studies. – March. – № 40. – P. 307-332.

9. Molina O. (2007) The Political Economy of Adjustment in Mixed Market Economies: A Study of Spain and Italy / O. Molina, M. Rhodes // Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy / Hancke, et al. (eds.). – Oxford: University Press. – P. 223-252.

10. Cornelakis A. (2009) Dual convergence or Hybridisation? Institutional change in Italy and Greece from Varieties of capitalism perspective / A. Cornelakis // CEU Political Science Journal. – Vol. 6. – 1. – P. 47-82.

11. Royo S. (2007) Varieties of Capitalism in Spain: Business and the Politics of Coordination / S. Royo // European Journal of Industrial Rela-

tions. – № 13. – P. 47-65.; Royo S. (2008) Varieties of Capitalism in Spain. Remaking the Spanish Economy for the New Century / S. Royo. - Palgrave Macmillan. – 268 p.

12. Miyajima H. (2012) Institutional Change and its Economic Consequence in Japan: The bright and dark sides of hybridization/ H. Miyajima // RIETI Discussion Paper Series 12-E-049. – 42 p.

13. Boyer R. (2005) Coherence, Diversity, and the Evolution of Capitalism – The Institutional Complementarity Hypothesis / R. Boyer // Evolutionary and Institutional Economic Review. – Vol. 2, № 1. – P. 43–80.

14. Pagano U. (2011) Interlocking complementarities and institutional change / U. Pagano // Journal of Institutional Economics. – Vol. 7, № 3. – P. 373-392.

15. Thelen K. (2009) Institutional Change in Advanced Political Economies / K. Thelen // British Journal of Industrial Relations. – Vol. 47, № 3. – P. 471-498.

16. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России / С. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 308 с.

17. Поланьи К. Великая трансформация: политические и духовные истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб. : Алетейа, 2002. – 320 с.

18. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее и будущее. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. – С. 55-91.

19. Мосс М. Очерк о даре / М. Мосс // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 83-222.

20. Годелье М. Загадка дара / М. Годелье. – М.: Восточная литература, 2007. – 295 с.

21. Батай Ж. Проклятая доля / Ж. Батай. – М.: Логос, 2003. – 208 с.

22. Mayfair Mei hui Yang (2000) Putting Global Capitalism in Its Place: Economic Hybridity, Bataille, and Ritual Expenditure / Mayfair Mei hui Yang. - Current Anthropology. – Vol. 41, No. 4. – P. 477-509.

23. Deeg R. (2007) Towards a more dynamic theory of capitalist variety / R. Deeg, G. Jackson //

Socio-Economic Review. – Vol. 5, N. 1. – P. 149-179.

24. Липов В. Институциональная комплементарность социально-экономических систем / В. Липов. – Х.: Изд-во ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – 484 с.

25. Липов В. Институциональная комплементарность как фактор формирования социально-экономических систем / В. Липов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). – 2012. – Том 4, № 1. – С. 25-42.

26. Нейсбит, Р. География мысли / Р. Нейсбит. – М.: Астрель, 2012. – 285 с.; Нисбетт, Р. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензаян. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 68 с.

27. Hofstede G. (2000) Cultures and organizations: software of the mind. – N.-Y.: McGraw-Hill.

28. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

29. Сото де Э. Иной путь. Экономический ответ терроризму / Э. де Сото. – Челябинск: Социум, 2007. – 302 с.

30. Streeck W. (2005) Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies / W. Streeck, K. Thelen // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / eds.W. Streeck and K. Thelen, – N.Y.: Oxford University Press. – P. 1-39.

31. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Восточная литература, 1999. – 392 с.

32. Campbell J. (2010) Institutional Reproduction and Change / John L. Campbell //The Oxford Handbook of Comparative Institutional Analysis. – Oxford, Oxford University Press, 2010. – P. 87-116.

Статья поступила в редакцию 15.01.2013